

КУКЛА, или Конь Калигулы

Эта одноактная пьеса «Кукла, или Конь Калигулы» — часть небольшого драматического триптиха, объединенного под общим названием «Женщина и Некто», в котором я пытаюсь выразить свое видение сложившейся сегодня в нашем обществе ситуации и возможный выход из нее.

Насколько адекватно удалось мне воплотить этот замысел и удалось ли вообще, судить читателю и, если вещь будет когда-либо поставлена, зрителю.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дымный фитилек лампы зыбко освещает довольно просторное помещение без окон, схожее то ли с подвалом большого дома, то ли со складом. Скорее с последним: колеблющийся свет выхватывает из полумрака беспорядочные горы всякого добра. Попеременно бросаются в глаза этикетки коробок, банок и пачек вперемешку с одеждой самого разного покроя, кухонной утварью и детскими игрушками. По всему помещению разбросаны импортные кресла. Справа, в глубине, — захлапленная стойка бара, заваленного разномастными бутылками. Посредине — несколько составленных вместе низких столиков, на которых под грудой одеял полулежит МАРИЯ. Слева, ближе к выходу, гудит раскаленная «буржуйка», труба от ко-

торой тянется к входной двери, завешанной байковым одеялом. Около печки на корточках сидит ОСИП.

ОСИП (крутит рычажок транзистора). Не слышны в саду даже шорохи. (Вслушиваясь в эфирные помехи). Шорохи-то как раз и слышны, а больше ничего, ни стуку, что называется, ни грюку, ни гу-гу. (Вздыхает.) Только подумать, неужели и впрямь ни души на свете, хоть бы пискнул кто или матом обложил! Глухо.

МАРИЯ (улыбается чему-то своему). Ишь, какой неугомонный! На выход спешит. Стучит руками и ногами, словно опоздать боится. Сразу видно — парень. Девочка постеснялась бы. (Осипу.) Ты рад?

ОСИП. Рад за тебя.

МАРИЯ. А за себя?

ОСИП. С какой стати?

(Окончание на 8—9-й стр.).

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

МАРИЯ [с досадой]. У тебя будет сын.
ОСИП. Опять за свое. Ты же прекрасно знаешь, что я тут ни при чем.
МАРИЯ. Как это ни при чем, если ты — отец.
ОСИП. Знаешь, это уже слишком!
МАРИЯ. Почему?
ОСИП. Потому, что это известно тебе лучше, чем кому-либо.
МАРИЯ. Это могло произойти во сне, нечаянно, такое случается даже у импотентов, я где-то читала, как-то в «Здоровье».
ОСИП. Баба логика. Непорочное зачатие с помощью популярного чтива.
МАРИЯ. Ревнуешь.
ОСИП. О женщина, конец света на дворе, а она все о том же!
МАРИЯ. Не от Святого же Духа в самом деле я по-несла!
ОСИП. Это было бы чересчур.
МАРИЯ. Я больше года, кроме тебя, живого лица не видела.
ОСИП. По этой части ваша сестра даже на необитаемом острове устроится.
МАРИЯ. Пошлик.
ОСИП. Из жалости я должен быть суровым.
МАРИЯ. Еринчашь.
ОСИП. Цитирую.
МАРИЯ. Не помню.
ОСИП. Шекспир, Гамлет. Перевод Бориса Пастернака.
МАРИЯ. Господи! Шекспир, Гамлет, Пастернак! Когда это это было: год, сто, тысячу лет назад! Да и было ли это вообще! Может, это все нам приснилось или произошло с нами в какой-нибудь другой жизни? Иногда проснусь ночью, и сердце смерзается: кто я, что я, как я сюда попала! Ведь еще недавно мимо пройти и то оторвать брала: святая святых, полночь, бьют куранти, смена караула, сама вечность в имперском исполнении. Два раза даже внутри была, как говорится, в порядке живой очереди, шла, от почтения дух захватывало, а оказалось, обыкновенная рекламная лавочка со спец-буфетом для номенклатурных бона. И никаких тебе тайн. Просто, как мычание. Удивительная у них способность — ополнить все, к чему удается прикоснуться. Их бы воля, они бы и к пирамиде Хеопса служебный вход приспособили. [Снова вслушивается в себя]. Смотри, какая пруть, никак угомониться не может, будто на съезде народных депутатов или на митинге. [Осипу]. Подойди-ка, послушай. [Осип встает, подходит к ней. Она берет его руку и кладет к себе на живот]. Чувствуешь?
ОСИП [со вздохом]. Нашел время высовываться, тут такое творится, что самому впоору просить: роди меня, мама, обратно!
МАРИЯ. Выживаем.
ОСИП. Зачем?
МАРИЯ. Что — зачем?
ОСИП. Выживать.
МАРИЯ. Зачем люди живут вообще: живут, и все.
ОСИП. Опять баба логика. [Умолкает]. Очнись ты наконец, оглянься вокруг себя, вдумайся, что произошло!
МАРИЯ. А ты не вдумывайся, считай, что ничего не произошло, жизнь продолжается.
ОСИП. Какая жизнь! Неделю назад еще кого-то хоть издалека видел, сегодня да самого Тверского дошел, ни души, даже кошки не встретил, как на кладбище, только снег метет да топота позванивают. Ледяная пустыня, у которой теперь конца и края нет.
МАРИЯ. Если мы живы — значит уже не пустыня.
ОСИП. Пробовать вот тут, пока не загнемся, это ты называешь жизнью? Ну сколько мы так протрянем: год, два, десять лет? Ради чего? Ради того, чтобы закончить тем же самым? Потрясающая перспектива! [Срыгается с места, начинает метаться по кругу]. Ладно — мы: человек, в конце концов, такая скотина, что привыкает к чему угодно, но по какому праву мы обрекаем на эту судьбу другое существо, которому еще не дано выбирать самому. Ты подумала, что его ждет впереди? Или: после нас хоть потоп! Я даже представить себе не в состоянии: один на всем свете!
МАРИЯ [визгосительно]. Ося, будь мужчиной.
ОСИП. Я давно уже забыл, что это значит. И потом, кому это теперь нужно?
МАРИЯ. Тебе самому.
ОСИП. С одной поправкой: нужен ли я себе сам.
МАРИЯ [глядит себя по животу]. Зато ему без тебя никак нельзя.
ОСИП [с досадой]. Опять за свое. [Хахается за голову]. Боже мой, хоть на стенку лезай! [Вдур останавливается, как бы вслушивается во что-то].
Где-то сверху за дверями возникает отдаленное доканье копыт. Постепенно звуки, к которым вскоре примешивается конское похрапывание, становятся все отчетливее. Затем все смолкает, после чего сверху доносится протяжное ржание.
МАРИЯ [торжественно]. Я же говорю!
ОСИП. Еще бы: теперь у тебя собственный дом с выездом.
МАРИЯ. Во всяком случае, мы — не одни.
ОСИП [насмешливо]. С лошадыю.
МАРИЯ. Лошадь — это целый вид.
ОСИП. Будем производить кентавров.
МАРИЯ. Пойди лучше посмотри, что это может быть.
ОСИП [подаваясь к выходу]. Еще одно приключение на мою голову!

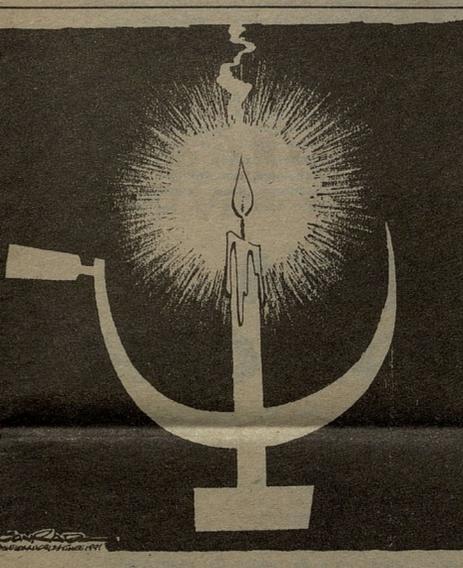
ПРОХОЖИЙ. В первый раз?
ОСИП. В первый.
ПРОХОЖИЙ. Не бери в голову, оборудуем в лучшем виде. Я по ветеринарной части тоже стаж имею: было время, в горветлечебницу собак поставал. Для опытов. Так что куда входит, откуда выходит, поднаторел. Мне плод принять — два пальца опистать, по науке заделаем. Тут первым делом горячая вода нужна. [Деловито]. Ведро найдется?
ОСИП [кивает на груды товаров]. Здесь всякого товара пол-Ума.
ПРОХОЖИЙ. Лады. Ног в руки и айда за снегом.
ОСИП [ихорозово роется в куче, выхватывает откуда эмалированное ведро, устремляется к выходу]. Я — быстро. [Скрывается за дверями].
ПРОХОЖИЙ садится, неторопливо снимает с себя валенки, френч, галфея и обнаруживает перед ним в новом обличье: типичный провинциальный интеллигент старой выучки в черной паре и при ботинке.
ПРОХОЖИЙ [вынимает из бокового кармашка пиджака пенсне, приспособляет его к переноске, подходит к Марии, кладет ей ладонь на лоб]. Как вы себя чувствуете, голубушка?
МАРИЯ. Доктор, я могу умереть?

ПРОХОЖИЙ. А это у меня в Мытицах был единственный вид транспорта для развозов по участку. Я даже запрятал сам по этому случаю научился.
МАРИЯ. Чем же вы его здесь кормите?
ПРОХОЖИЙ. Конфетами «Ромашка» фабрики «Рот-Фронт», досталось случайно два ящика. Ничего, привык, потребляет.
МАРИЯ. Странный вы человек, доктор.
ПРОХОЖИЙ. Как говорил, мадам, один большой позит: какая ешь, желаю вам друтюю.
МАРИЯ [снова стонет]. Ох, тяжело мне, доктор!
ПРОХОЖИЙ. Бывает хуже, мадам, а это скоро кончится.
МАРИЯ [затикая]. Спасибо, доктор.
ПРОХОЖИЙ тихонько отходит от нее, снимает с себя свое хохловское одеяние, остается в пижаме, спокойнo устранившись в кресле у печки. Возвращается Осип.
ОСИП. Такая метель — зги не видно. [Ставит ведро со снегом на печку]. А вы уже, я вижу, устроились с удобствами.
ПРОХОЖИЙ. Люблю в любых условиях жить по-человечески.
ОСИП. Я и вижу.
ПРОХОЖИЙ. Уют человеку нужен для сохранения здоровья, а что для человека главное? Здоровье. У ме-

ОСИП [высвечивается из темноты]. Как я, провинциальный еврей, вечный студент, позт-неудачник, сторож и дворник, мог оказаться в конце концов здесь, в этом месте, в такое время и с этой женщиной? Если бы еще год назад, даже уже в разгар смуты, какой-нибудь шутик сказал мне об этом, я бы считал это довольно дурной шуткой. Но я здесь, в нынешнее время и с этой женщиной, наверху сам Основоложники, вернее, лошадь на его месте, сбоку, по закону убывающего плодородия, их дегенеративный наследник, а внутри я, моя женщина и все несостоявшийся ребенок в виде гумовской куклы. Вот уж действительно: мы рождены, чтоб Кадку сделать былью! Господи, освободи, меня от этого кошмара!

МАРИЯ. Кто вы?
ПРОХОЖИЙ. Когда-нибудь, если вы, конечно, захотите, я расскажу вам и о том, и о другом. Впрочем, если это вас так интересует, могу отрекотеловаться: я — артист тамбовской драмы. Точнее, герой-резоонер. «Лес» Островского — моя стихия. Так как вы себя чувствуете?
МАРИЯ. Где Осип?
ПРОХОЖИЙ. Вы имеете в виду того молодого человека, который только что был здесь?
МАРИЯ. Ради Бога, говорите, пожалуйста, проще!
ПРОХОЖИЙ. Могу и проще, и вообще по-разному, но с вами бы мне не хотелось, во всяком случае до определенного времени.
МАРИЯ. Я вас спрашиваю: где Осип?
ПРОХОЖИЙ. Он же вам сказал: пошел за водой для вас.
МАРИЯ. Я очень волнуюсь.
ПРОХОЖИЙ. Волноваться вам уже поздно.
МАРИЯ [истраженно]. Что такое?
ПРОХОЖИЙ. Все люди, как известно, смертны. Хотя в этом случае я тоже поучаствовал.
МАРИЯ [кричит]. Что с ним?
ПРОХОЖИЙ. После того, что я вам сообщил, вопрос ваш просто неуместен.
МАРИЯ. Вы лжете!
ПРОХОЖИЙ. Меня не любят как раз за то, что я всегда говорю правду, но только не всегда утешительно.
МАРИЯ. Я не верю вам!
ПРОХОЖИЙ. Воля ваша.
МАРИЯ. Зачем вы лжете? Что вам от меня нужно?
ПРОХОЖИЙ. Я уже сказал, что никогда не лгу, а нужно мне от вас совсем немного: послушание. И тогда мы с вами обо всем договоримся.
МАРИЯ. Кто же вы, наконец?
ПРОХОЖИЙ. Прохожий. И хотя лошадь наверху — моя, я это практически редко пользуюсь. Я больше хожу. Это развивает наблюдательность и к тому же способствует знакомству с великим множеством людей.
МАРИЯ. Но зачем вам я? Именно я?
ПРОХОЖИЙ. Первый разумный вопрос. Был бы выбор, я, наверное, нашел бы чего-нибудь получше, но выбирать больше не из чего, на земле почти никого не осталось. Вы, может быть, конечно, отсканиваете где-нибудь по нормам, только я не оперативник из угрозыска, чтобы заниматься мелочными поисками, а тут и женщина, и место соответствующее.
МАРИЯ. Но у меня сын, понимаете, сын!
ПРОХОЖИЙ [в полной темноте на его вдруг ожесточившемся лице сфокусировалось световое пятно]. Смотри же, чудак из Галилеи! Мало того, что люди глупы и злы, какими, впрочем, были всегда, они еще и ничтожные фантазеры, готовые верить в самые нелепые вещи. Они вознамерились построить всеобщее счастье, правда, на костях друг друга, но для начала построили только вот эту безвкусную усыпальницу с дармовым баром и утепленным туалетом под ней для своих косноязычных жрецов. Что из всего этого получилось, можете теперь полюбоваться. Зачем уж ты для них так старался, надо было оставить их своей участи!
Свет вспыхивает вновь.
[Уже грубо]. Неужели ты не видишь, что это кукла?
МАРИЯ [обижено]. Мой сын не кукла, а человек.
ПРОХОЖИЙ. Протри глаза, дура, это кукла, кукла из ГУМа.
МАРИЯ. Кто это вам сказал?
ПРОХОЖИЙ [подносит куклу к самым ее глазам]. Смотри, смотри, смотри!
МАРИЯ. Вижу, это мой сын. И прошу вас осторожнее, вы можете сделать ему больно. Дайте-ка его мне. Вот так, мой дорогой, я тебя никому больше не отдам.
ПРОХОЖИЙ. Да ты просто чокнутая.
МАРИЯ. Не более, чем вы.
ПРОХОЖИЙ [хохочет]. Вот как! Запомни: сколько стоит мир, не было бы существования, чем я. Я даже слишком нормален для такого быдла, как вы.
ПРОХОЖИЙ. Да что с этой дурой разговаривать! Оставь ее здесь, пусть время само закончится с тобой своей работой, а гумовскую куклу прими от меня на память. Когда ты очухаешься, ты кое-что поймешь.
МАРИЯ. Уходи отсюда, я буду дожидаться Осипа.
ПРОХОЖИЙ. Ты будешь ждать его слишком долго, чтобы дождаться.
МАРИЯ [упрямо]. Все равно.
ПРОХОЖИЙ. Будь ты проклята со своей беспробудной глупостью! [Он направляется к двери, по пути входит из ведра заливая огонь в печку и перед тем, как выйти, оборачивается к нам, весь свет в эту минуту направляется на него]. Ты все-таки проиграл мне, чудак из Галилеи!
Наступает кромешная тьма. Вскоре мы слышим конское ржание и удаляющийся цокот копыт. Затем во тьме вспыхивает язычок пламени в поташей было печке, и тут же раздается пронзительный детский плач. Оживает и транзистор далекой музыкальной вальсы из «Доктора Живаго».
МАРИЯ [восторженно]. Он плачет, он плачет, он плачет...
Занавес.

Владимир МАКСИМОВ
КУКЛА,
или
Конь
Калигулы
ФАНТАЗИЯ НА ТРОИХ В ДВУХ КАРТИНАХ

ПРОХОЖИЙ. Как все, милая, как все. Этого, к сожалению, не миновать никому.
МАРИЯ. Нет, доктор, я имею в виду от этого теперь.
ПРОХОЖИЙ. Уверен, вас, дорогая, в вашем случае этого не произойдет.
МАРИЯ. Как вы сюда попали, доктор?
ПРОХОЖИЙ. Обычным способом, милочка, через двери.
МАРИЯ. Да, но откуда вы?
ПРОХОЖИЙ. Эх, милая, спросите меня чего-нибудь полегче. Я и сам забыл, откуда я собственно родом. Мне столько приходилось скитаться по свету, что я давно уже потерял о бытии своей жизни. Когда-то, в ранней молодости, а было это много-много лет тому назад, я поспорил с одним наивным чудачком, который утверждал, что стоит подарить людям свободу, как человек тут же делается отзывчивым и чище. С тех пор я переменил немало мест и даже обстоятельств, но нигде еще не встретил индивида, способного справиться со своей свободой. Она человеку только в тягость, эта самая свобода.
МАРИЯ. Не всем же в самом деле?
ПРОХОЖИЙ. Практически всем, а те одиночки, которым она по плечу, обычно плохо кончают: спиваются, вешаются или сидят в дурдоме.
МАРИЯ. Значит, они все же есть!
ПРОХОЖИЙ [печально]. Есть, но это, к несчастью, не меняет общей картины. В последнее время перед этой напастью я работал участковым врачом, здесь, недалеко, в Мытицах. Там был один учитель-чудак, ментал посредством великого изобретения ославивший человечество. В конце концов его затравили собственные коллеги, кончил бичом где-то на Дальнем Востоке. И таких в своей долгой жизни я встречал немало. Было время, я жил даже за границей, где тоже встретил одного чудака. Тот кончил еще хуже. Между прочим, он спорил со мной о том же, что и вы. Так-то, милая.
МАРИЯ [стонет]. Плохо мне, доктор.
ПРОХОЖИЙ. В таких случаях, милая, хорошо не бывает никому, надо терпеть.
МАРИЯ. Совсем плохо.
ПРОХОЖИЙ. Ничего не подделаешь, у вас родовые схватки. По мере моих слабых сил я постараюсь вам помочь.
Сверху доносится ржание лошади.
МАРИЯ. Что это?
ПРОХОЖИЙ. Конь.
МАРИЯ. Какой конь?
ПРОХОЖИЙ. Обыкновенный, с хвостом и гривой.
МАРИЯ. Откуда здесь конь?

в Козлове даже туалет голубой венгерский имелся и кресло-качалка из Польши.
ОСИП [насмешливо]. А больше ничего не имелось?
ПРОХОЖИЙ [загадочно]. Имелось-то имелось, только это уже моя забота.
МАРИЯ начинает сильно стонать.
ОСИП. Думаю, начинается по-настоящему.
ПРОХОЖИЙ. Говорю, не бери в голову, оборудую, как в аптеке. [Деловито поднимается]. Там найдется? Полотенцев пару тоже не мешает. [Подходит к Марии]. Да, вроде начинается, баба уже не в себе.
Вдвоем они начинают суетиться вокруг роженницы. Ее стоны перемежаются с их отрывистым разговором.
ОСИП. Пошел!
ПРОХОЖИЙ. Вот-вот, надо думать.
ОСИП. Чего требует?
ПРОХОЖИЙ. Тряпья побольше и горячей воды.
ОСИП. Ну как?
ПРОХОЖИЙ. Выходит.
ОСИП. Помочь?
ПРОХОЖИЙ. Тоже мне помощник.
ОСИП. Быстрый бы.
ПРОХОЖИЙ. Быстро только кошки.
ОСИП. А теперь?
ПРОХОЖИЙ. Вроде вышел.
ОСИП. Кто: мальчик, девочка?
ПРОХОЖИЙ. Парень, только он неживой.
ОСИП [упавшим голосом]. То есть как?
ПРОХОЖИЙ [раздраженно]. Как-как, мертвый, вот как!
ОСИП [со стоном]. Что с ней теперь будет, она так хотела сына!
ПРОХОЖИЙ [решительно]. Уж коли так хотела, заделаем... Бон поройся в этой куче, там, видно, всего навалом. Найди куклу какую ни то, завернем и подложим ей, она все одно пока не в себе. Попривыкнет и отойдет. Человек — скотина отходчивая.
ОСИП. Разве так. [Подходит к горе товаров, роется в ней, выбирает куклу и детское одеяло, кое-как заворачивает ее и кладет под бок Марии]. Спи, родная!
Сверху раздается конское ржание.
ПРОХОЖИЙ. Видно, уже жарить хочет. [Принимается быстро одеваться в свою первоначальную рубу]. Дай-ка мне ведро, прыжки отмочить. Пойду покормлю. Заодно и плод вынесу, похороно по-лошадки.
Конец первой картины.

Зарогазет сает.
МАРИЯ [в полубреду]. Ты посмотри, какой он хорошенький, весь в тебя, не отказывайся.
ОСИП. Да-да, конечно, теперь я и сам вижу.
МАРИЯ. Ты будешь его любить?
ОСИП. Я же все-таки отец!
МАРИЯ [победно]. Признался наконец.
ОСИП. Еще бы!
МАРИЯ. И такой спокойный, грудь не дергает, берет нежно-нежно. Какая прелесть!
ОСИП. Действительно прелесть!
МАРИЯ. Если бы ты знал, Осип, как я всегда хотела от тебя ребенка! [Весь уходит в темноту, оставляя нас наедине с ней]. Разве я не имела права на свою долю радости в этом мире? Чем одарила меня судьба? Что дала? Переходила из рук в руки, считая, что ждать мне на этом свете больше нечего, счастье обшло меня стороной и один прожитый взахлеб день стоит спасения. И вот однажды я встретила Осипа. Что я в нем нашла? Не знаю. Просто он не был похож на тех, кого я встречала до него. И этого оказалось для меня достаточно. Но единственного, чего я ждала от него, — ребенка, а он не мог. Кто-то, не помню уж кто, надушил меня пойти в церковь. Я и молиться-то толком не умела, я просто просила Господа простить рабе своей ее прегрешения и послать мне ребенка. И Господь, видно, услышал мои немудрящие молитвы. Чем мне отплатит тебе, Господи!
Свет гаснет. В темноте раздается легкое конское ржание. Тут же свет вспыхивает. На пороге — Прохожий в дорогом пальто с меховым воротником и в пыжиковой шапке.
ПРОХОЖИЙ. Нехорошо, товарищи, я понимаю, положение тяжелое, но не до того же, чтобы в таком священном для каждого советского человека месте!
ПРОХОЖИЙ [с достоинством]. Это вопрос возраста некоторых наших товарищей, сочувствовать надо: несколько часов на ногах, на жаре или на холоде, это, сами понимаете, не всякий выдержит, вот и отдыхают товарищи по очереди.
ОСИП. Отдыхались, теперь наша очередь.
ПРОХОЖИЙ. Ну зачем же так обострять, товарищ. Я ведь тоже понимаю положение, мне и самому сегодня деваться некуда.
ОСИП. Хотите присоединиться?
ПРОХОЖИЙ [смущенно]. В некотором роде — не мешало бы. Знаете, совсем замара, хоть и одет соответственно. Хожу по городу — ни живой души. Третий день, поверьте, в туалете на Пушкинской ночью.
ОСИП. А как же ваши знаменитые бомбоубийщица? Там ведь, говорят, у вас запасов чуть не на сто лет.
ПРОХОЖИЙ [еще смущеннее]. Не пускают.
ОСИП. Что так?
ПРОХОЖИЙ. Я же бывший, мне туда дорога заказана.
ОСИП [смаявшись]. Ладно, чего уж там, раздвайтесь, садитесь вот к печке, греться будем. У меня здесь запасов не меньше, чем у них в бомбоубийщице.
ПРОХОЖИЙ [благодарно]. А я боялся, не примете.
ОСИП. Почему же?
ПРОХОЖИЙ. Нас ведь в народе не очень любят, это мы знаем, нам докладывают. Понимаете: внутренние сводки.
ОСИП. Да уж, прямо скажем, не за что.
ПРОХОЖИЙ. Все-таки мы что-то для народа сделали.
ОСИП. Поэтому мы с вами здесь и оказались.
ПРОХОЖИЙ. Это не наша вина, объективные обстоятельства.
ОСИП. Ох уж эти ваши объективные обстоятельства: в зубах навязало. Чаю хотите?
ПРОХОЖИЙ [растроганно]. Не откажусь.
ОСИП [наливает ему чай в кружку]. Вам с сахаром?
ПРОХОЖИЙ. Если можно. [Кивает в сторону Марии]. А это, извиняюсь, у вас что же — жене?
ОСИП. Жена. Без памяти. После родов.
ПРОХОЖИЙ. Сочувствую.
Мария тихонько стонет.
ОСИП [бросается к ней]. Я здесь, родная.
МАРИЯ. Как мальчик?
ОСИП. Спит своим правдиком.
МАРИЯ. Может его покоринить?
ОСИП. У меня детское питание навалом. Тебе сейчас главное — спокойно отдохнуть. Не беспокойся, положись на меня.
МАРИЯ. Дай мне воды, пожалуйста.
ОСИП. Может быть, чаю?
МАРИЯ. Нет, милый, холодной воды.
ОСИП. Сейчас я натаю снегу. [Срыгается с места]. Через две минуты у тебя будет вода, Маша. [Скрывается за дверным полотном].
ПРОХОЖИЙ встает и тут же преобразуется: вместо партийного вельможи перед нами элегантно господин с манерами изысканно светского человека.
ПРОХОЖИЙ [подходя к Марии]. Как вы себя чувствуете, сударыня?

КАРТИНА ВТОРАЯ
Обстановка та же. Только у постели Марии стоит детская коляска.